

УДК 13

СОБЫТИЕ ЧУВСТВА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Т.М. Шатунова

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики мировосприятия современного человека, в частности исследованию специфического феномена метафизического чувства. Автор полагает, что метафизическое чувство представляет собой тот редкий для современного социально-культурного контекста способ переживания мира, который позволяет человеку сохранять свою бытийственную природу в ситуации вызовов глобализирующегося общества.

Ключевые слова: онтология, метафизика, метафизическое чувство, бытийственная природа человека.

Неклассическая философия, полагающая в качестве собственного ядра онтологию, нередко вслед традиции экзистенциализма и Хайдеггера определяет человека как бытийствующее существо и говорит о его со-бытийной природе. Со-бытийными в человеке полагаются мысль (отсюда – событие мысли), язык как дом бытия (отсюда – событие слова), философский акт (отсюда – событие философствования или философской мысли). В какой мере в этот ряд можно – и нужно ли – поставить событие чувства? Как только мы сформулируем вопрос подобным образом, придется сделать оговорку: речь идет не о простых каналах связи человека с миром сущего, а о таких метафизических чувствах, которые позволяют за сущим обнаружить, что есть Нечто, а не Ничто.

Обычно метафизику относят к ведомству философии или хотя бы мысли. Возможно ли метафизическое чувство?

Этот вопрос носил бы характер узкоспециальной проблемы людей, профессионально занимающихся философией, если бы не его чисто практическая актуальность. Сегодня можно обнаружить утраты или образовавшиеся изъяны в человеческой способности чувствовать. Проявляются эти утраты в самых различных формах: бес-чувственность, не-чувствительность современного человека, его чуждость тому полифоничному «запасу» человеческих чувств, который выработан и сохранен для современников всей мировой культурой и искусством. Возможно, самая большая из утрат – потеря чувства живой жизни в целом, ощущения живого настоящего в частности.

Случаются эти утраты по самым разным причинам, начиная от невозможности почувствовать себя в мире действующим лицом (кризис субъектности) и заканчивая скукой, поселяющейся в душах людей, участвующих в бешеной гонке за удовлетворением всех своих желаний, пресыщенных развлечениями

и наслаждениями. Вряд ли всю сложность этой кризисной ситуации можно объяснить исходя из чистого негатива, определяя современного человека как массового потребителя.

Изменения в характере нашего восприятия обусловлены многими факторами развития современной цивилизации. Одним из самых мощных выступают средства массовой коммуникации и кино. Именно кинематограф формирует не только способ восприятия, но и весь образный характер мышления современного человека [1]. Кинематографичность нашего взгляда на мир представляется доминантой, в диапазоне которой воспринимает мир современный человек. Мы незаметно для себя видим мир как бы через объектив, «кадрируем» и «панорамируем», легко достраиваем лица до «крупного плана» и ощущаем пространство как глубину кадра. С позиции движущейся кинокамеры мы воспринимаем движение, время, реальность. Неслучайно Ж. Делез считал кинематограф педагогикой перцепции, а мы могли бы добавить – школой, где учат на современного человека. Однако, как и в любой школе, в кино мы учимся разным вещам, и, к сожалению, не только хорошему. Темп смены кадров заставляет нас приостановить поток собственного сознания, мы отключаем мысль. Наш взгляд привыкает быть стремительным и... поверхностным. Мы приобретаем устойчивость к шоку, но вместе с тем теряем долю равнодушия к происходящему. Приобретаем рассеянное внимание, способность делать сразу несколько дел, но отчасти теряем способность чувствовать глубоко.

Глубокое чувство всегда было для человека редкой возможностью проявить свою человечность уже хотя бы потому, что оно предполагает как наличие сложного, развитого внутреннего мира, так и способность нести ответственность. Быть способным на любовь или искреннюю дружбу уже дано не каждому, но еще более сложно отвечать за свои чувства. Конечно, настоящее чувство захватывает человека и живет по своим законам, которые не нам менять, но только сам человек может решить, что он «будет делать» со своим чувством. Может ли он этому чувству отдаться безраздельно, или, напротив, он должен наступить на горло собственной песне.

В современном обществе возможность испытать глубокое и ответственное чувство становится еще более абстрактной. Человек, по мысли Хайдеггера, все реже встречается со своей сущностью: с любовью, дружбой, бескорыстным любованием красотой и другими абсолютами человеческого бытия. В этом контексте становится понятным призыв О. Манделштама любить свое бытие больше самих себя. Бытие – «ближайшее к человеку» (Хайдеггер), потому что делает его *просто* человеком.

Человек встречается с бытием чаще всего именно в чувстве. Верна и обратная теорема: бытие дано, дается человеку в простых человеческих чувствах. Возникает вопрос: почему же такая данность выступает в роли события?

Событие означает всегда неординарность случившегося плюс сопряженность с бытием, соразмерность именно бытию, а не просто существованию. Сразу же появляется соблазн изменить ударение и добавить известный хайдеггеровский дефис: со-бытие. Со-бытие чувства – чувство со-бытия. В таком исполнении слово придает поименованному явлению оттенок редкости, неординарности, возможно даже некоторой изысканности, а главное – сопряженности

с чем-то важным в мире для человека, с тем, что имеет свои законы и человеку неподвластно.

Однако разве чувства человека не самая обычная повседневная реальность и разве несовременный человек не чувствовал?

Обозначить чувство современного человека как феномен, как нечто в известной мере уникальное побуждает целый ряд обстоятельств. Первое: чем ближе к нашему времени, тем искусственней становятся человеческие чувства. В принципе об этой искусственности в свое время догадывался уже Аристотель. Кроме обычных природных чувств он обнаружил в человеке *политическое чувство*. Пытаясь сохранить верность собственному пониманию природы чувств как естественных (природных) каналов связи мира и человека, философ превратил последнего в политическое животное, подчеркнув таким способом природность, естественность странного чувства, не укладывающегося в общую картину *природной природы* человека. Отличие политического чувства от других естественных чувств состояло в том, что оно не давалось человеку от рождения и ему нужно было учиться. Буквальную и постоянно изменяющуюся искусственность человеческих чувств, установки, философского этоса подчеркивает, например, Фуко: «Я бы охарактеризовал философский этос, присущий “критической онтологии нас самих”, как историко-практическое исследование границ, которые мы можем преодолевать, и, следовательно, как нашу работу над нами самими как над свободными существами» [2, с. 8].

Второе: фантастическая сложность и противоречивость этих чувств, начиная от мучительности восприятия красоты, унаследованного нами от Средневековья, и заканчивая приматом положительного в самых, казалось бы, тяжелых чувствах. На наш взгляд, очень интересную проблему в этом ключе поднял самарский философ Ю.А. Разинов [3]. *Страх Божий* мы обычно понимаем как страх перед Богом, как боязнь Божьего гнева или суда. Возможно, так оно и было для средневекового человека. Но для нашего современника *страх Божий* – это «ужас утраты Божественного образа, закона» (Ю.А. Разинов). В самом негативном чувстве скрывается «примат положительного». Тот же автор приводит интереснейшее рассуждение о природе метафизического страха. Это отнюдь не малодушие, но «*страх сознания* перед возможностью *отсутствия сознания*». Добавим от себя – и перед возможностью отсутствия бытия. «Этот страх сущностный по отношению к природе человека, и именно он лежит в основе «мужества быть». Философский вопрос «почему есть нечто, а не ничто» можно назвать предельной рационализацией страха, но страха, являющегося просто оборотной стороной сознания. В борьбе с метафизическим страхом рождается греческая философия», – пишет Ю.А. Разинов. Соглашаясь в этом с автором, снова добавим: не только греческая. Философия как таковая, а современная – по максимуму – и есть не что иное, как постоянная борьба за право человека на встречу с бытием. Итак, страх не убивает человеческое, он рождает мысль, страх продуктивен. Здесь мы опять встречаемся с предельной антиномичностью чувства.

Наконец, третье: человеческое метафизическое чувство сегодня становится едва ли не единственным средством защиты, спасения всей человеческой природы. На этом необходимо остановиться подробнее.

В философской литературе стало уже общим местом утверждение кризисности человеческого состояния в современном мире, положение об угрозе и даже разрушении человеческой природы. Она меняется постоянно и довольно быстро, и все же скорость этих перемен не может возрасти до бесконечности хотя бы уже в силу того, что человеческая природа всегда определялась как культура. Освоение культуры даже в каком-то одном ее аспекте требует от человека не только личных усилий, но и элементарных затрат времени, причем принципиально *больших*, нежели необходимо для овладения любым цивилизационным навыком. Культура развивается медленнее, чем цивилизация. Этот временной «разнойбой» создает сегодня одну из множества возможностей конфликта цивилизации и культуры вплоть до угрозы со стороны цивилизации тому подвижному и исторически каждый раз заново складывающемуся комплексу характеристик, которые на данный момент составляют человеческую природу.

Наибольшая опасность столкновения обусловлена еще и тем, что в современной цивилизации человеку противостоят чаще всего силы, созданные им самим, но принявшие отчужденный, абстрактный и в этом смысле тоже метафизический характер. Движения мировых капиталов и финансов, процессы глобализации, неумолимые законы современных экономических систем не подвластны человеку. Они не проявляют всей своей сущности ни в поступках отдельных людей, ни в действиях каких-либо коллективных образований. Все эти абстракции, ставшие реальными, в полной мере демонстрируют несубстратную природу общественных отношений.

Ситуация осложняется еще и тем, что эти глобальные абстрактные силы противопоставлены не большим группам людей, сплоченных общими интересами, а массе одиноких индивидов. По З. Бауману, человек живет сегодня в «индивидуализированном обществе», решая глобальные противоречия в рамках собственной биографии. Современному человеку крайне редко удается создать вокруг себя коллектив единомышленников, друзей, коллег, даже просто приятелей. Процесс отъединения людей друг от друга набирает силу и распространяется вширь. Совсем недавно россиянин удивлялся европейцу, говорившему: когда мне плохо, я не иду к друзьям, я обращаюсь к психотерапевту. Теперь эта ситуация все в большей мере распространяется и на жителей России.

Захваченный логикой движения индивидуализированного общества, человек вынужден искать индивидуальные средства защиты собственной природы и сущности. Уже хотя бы потому, что угроза исходит от сверхфизических цивилизационных процессов, защита тоже должна носить адекватный метафизический характер. Точнее, характер личностного сопротивления должен быть еще более, абсолютно, максимально метафизическим. Этому соответствует и метафизическая природа человеческого существа: самое главное и простое, то, что делает человека человеком (любовь и вера, стремление к истине и красоте, разум и совесть), суть метафизические категории. Они составляют основную компоненту человеческой природы, потому что способны переподчинить себе все другие ее компоненты. Однако в современном обществе абсолюты человеческого бытия приняли социальную форму больших нарративов и в этом качестве были практически дезавуированы. И все же оттого, что большинство наших

современников уверовали в смерть Бога, абсолюты человеческого бытия не перестали быть таковыми. На то они и *ab solutio* – выше всех человеческих решений. Правда, добираться до них современный человек не всегда напрямую. Например, можно ни во что и никому не верить, но верить в возможность самой веры. Или в логике интерпассивности С. Жижека: я не верю в Бога, но я знаю людей, которые верят, благодаря чему вера *есть, существует* также и для меня [4, с. 25].

Инстинктивно западная культура довольно давно встала на путь поиска таких индивидуальных метафизических средств защиты человеческой природы, обратившись к двум источникам. Один из них – успехи западноевропейской психологии, другой – обращение к мудрости Востока, к различным практикам работы с собственным внутренним миром.

Кроме того, в какой-то мере продолжают решать эту задачу и традиционные силы защиты метафизической природы человека – вера, художественное восприятие мира и, конечно же, мысль, прежде всего философская. Эти формы культуры традиционно «работали» на сохранение души, внутреннего равновесия, на способность постоянно (каждый раз заново) гармонически разрешать собственные противоречия. Однако буржуазная цивилизация, как хорошо знали уже романтики и Гегель, враждебна искусству. Точно так же враждебна она и философии. Неслучайно все чаще возникают вопросы о том, является ли философия сегодня все еще «квинтэссенцией эпохи», душой культуры: и искусство, и философия часто попадают в круг движения массовой культуры или «взмывают на элитарные вершины» и превращаются в достояние единиц.

Условия индивидуализированного общества исключают возможность существования того «народа», которому могли бы принадлежать искусство и – тем более – философия. Эти надежные средства метафизической самозащиты человека в современном обществе приемлемы в таком качестве лишь для немногих, как меч Ахилла непригоден для Патрокла и не только для него. В этой ситуации человек, носитель и наследник западноевропейской культуры, не смирившийся со статусом человека-массы, каждый раз заново ищет возможности индивидуального противостояния глобальным безличным силам.

Искусство (шире – эстетическое начало) и философия могут и здесь играть свою роль защитников человеческой природы, но в форме, иногда неузнаваемой: они превращаются в структуры внутреннего мира человека, в образный строй его мысли и философичный дух его чувства. Самое замечательное, что в этой форме искусство и философия не существуют отдельно друг от друга. Как будто восстановилось древнее единство: философия – искусство прекрасной мысли – в первую очередь мышление бытия; искусство, художественное творчество – «приведение от небытия к бытию» (Платон). Не эта ли ситуация единства философского чувствования и художественного образа мысли отражена в известном высказывании Ж.-Ф. Лиотара, назвавшего философию постмодернизма *мирочувствованием эпохи*? Традиционно за этим названием видится лишь *утрата* философией статуса методологии и теории предельно высокого уровня обобщения, *потеря* позиции «квинтэссенции эпохи». Однако, как всегда, есть обратная сторона медали: если философия, как кажется, понизила свой статус, то, возможно, стоит поискать, куда скрылись философские находки западноевропейской

культуры. Когда-то М.К. Мамардашвили задавал забавный вопрос: куда девалась греческая философия, когда исчезли древние греки? Можно этот вопрос немного переформулировать: если философия перестала быть душой современной культуры (но была ли когда-то?), то куда девалась эта душа? Возможно, теперь ее место именно в структуре внутреннего мира современного обычного, даже массового человека. Можно предположить, что с уходом философии с позиции «законодательного разума» (З. Бауман) философичность обрели... человеческие чувства. Возможно, *сами чувства стали философскими* и – еще и в этом смысле слова – метафизическими.

Конечно, с точки зрения традиционной гносеологии «метафизические чувства» – настоящий оксюморон¹. В то же время классической философии подобный оксюморон был уже известен. Гегель говорил о зрении и слухе как о теоретических чувствах человека, П.А. Флоренский называл их *метафизическими линиями мира* [5, с. 34–35], Маркс – чувствами-теоретиками, обозначая этим понятием «музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз». Заметим, что теоретические, точнее, рефлексивные возможности открываются перед человеческими чувствами всегда в связи с их эстетическим началом. Действительно, у всех трех названных авторов речь идет о рефлексивных возможностях чувств, но «работают» они по эстетическому сценарию. Объясняется этот факт, по-видимому, тем, что если чувство хоть немного перестает быть просто «физическим», то оно обязательно включает работу воображения. Тогда «ум мыслит образами», и мы получаем художественный принцип работы и организации внутреннего мира человека. Неслучайно М. Бахтин считал, что «проблема души методологически есть проблема эстетики» [6, с. 95].

В неклассической философии тема оксюморонной природы человеческих чувств приобрела дополнительный смысл. Способность философски чувствовать буквально ставится в центр анализа внутреннего мира современного человека.

Диапазон метафизических чувств достаточно широк. Любое ощущение за явлением некоторого сущностного начала, не данного взгляду или слуху, уже представляет собой минимум метафизического чувства. Это «малая», или «ближняя», метафизика, напоминающая, что Небо и вправду начинается от самой земли. Между этой «околоземной» метафизикой и ощущением принадлежности к абсолюту встает огромная промежуточная область метафизики самых различных уровней. Вся она устремляется во внутренний мир современного человека, делая его тоже огромным, сначала непомерно раздутым и неупорядоченным. Он избыточен и страшен, как любая вновь открытая безмерность, с которой человек на первых порах сам не в силах справиться. Дело осложняется еще и тем, что образовался этот мир в ситуации кризиса культуры, когда именно в пространство души «хлынули» все культурные формы, взыскуя поля согласия. Неизбежно все эти феномены «большой» культуры – наука, искусство, религия, философия – стали установками «внутреннего мира», научились жить в форме чувства, эмоции, настроения. В этом видится не только потеря: ведь философия в форме высокой теории доступна не каждому, тогда как способность

¹ Рационалистическая философия все расставила по местам: если уж чувства, то непременно конкретные, а никак не метафизические. В итоге наступил момент, когда слово «метафизика» начисто утратило метафизический смысл и стало обозначать антидиалектику, одну из концепций развития.

философски, в частности метафизически, чувствовать *дарована* в принципе всем. Это дар современному человеку, созданный всей культурной историей человечества. Дело лишь «за немногим»: суметь этот дар унаследовать.

Максимально, предельно метафизическими человеческие чувства становятся тогда, когда по предмету (по содержанию) представляют собой интуиции бытия как такового, «чистого» бытия в форме абсолюта, не фиксированного даже образом (или понятием) Бога. Ощущение чего-то абсолютно значимого, важного, что происходит во мне или со мной благодаря тому, что есть Нечто, а не ничто, что я к этому Нечто прикоснулся или оно захватило меня. Грубо говоря, метафизическое чувство в своем верхнем регистре – чувство бытия. Это наше ощущение бытия или его – бытия – самоощущение. Оно возможно лишь с помощью человека, который есть орган его (бытия) самоощущения.

Предельные метафизические чувства по определению редки, они не «на каждый день» и хотя в принципе доступны каждому, но отнюдь не с каждым случаются. Вот почему, когда такая встреча человека с Нечто все же происходит, речь может идти действительно о *событии чувства*. Подобно тому как историческое событие на самом деле парит над историей, так и событие метафизического чувства витает над жизнью человека. Оно не может «пройти». Если человек пережил акт понимания как восторг или ужас открытия чего-то в собственной душе, забыть об этом невозможно. Можно перестать любить, но *забыть* о том, что любил, не удастся до смертного одра. Можно разувериться, но момент преображения-откровения-обращения забываем. В чем тайна этой незабываемости? Обычно считается, что событие добавляет к нашему миру нечто новое, к нашей уже имеющейся вселенной – еще одну. В действительности жизненный мир, созданный нами, подвергается переструктурированию, деконструкции, в которой новое событие способно переподчинить себе весь уклад жизни. М. Мамардашвили в лекциях о Прусте еще более радикализирует эту мысль. Катарсис открытия (узнавания, понимания) *разрушает* созданный жизненный мир до основания. Когда человек в одно мгновение постигает нечто событийное своей жизни, прежний мир рушится и приходится все начинать сначала, если получится.

Предмет метафизических чувств – не только Бытие, но еще и Небытие, Ничто, грани и переходы между ними. Человек в их горизонте соответственно располагается в мире как здесь-бытие, здесь-небытие и здесь-ничто.

Здесь-бытие, хайдеггеровское *da-sein*, столь же знаменитое, сколь и таинственное, в нашем контексте выступает не только как «маленькое бытие», расположившееся в мире как своего рода кусочек или сколок бытия. Это феномен, соединяющийся с *Sein* одновременно и по принципу контрастности, и по принципу дополнительности. Вечной неготовности бытия человек может противопоставить и добавить свою готовность к метафизическому событию. Возможно, что человеческая готовность встретиться с событием бытия не противопоставляется последнему, а является его необходимым до(за)вершением до некоторой полноты. Пионерский призыв «будь готов!», в котором с течением времени потерялось длинное и малопонятное детям «к борьбе за дело Коммунистической партии», в действительности опирался именно на метафизические органы (струны) души еще не взрослого человека и побуждал их звучать. «Все-

гда готов!» могло бы с успехом выразить весь спектр ответов человека на (вы)зов «вечной неготовности бытия».

Здесь-ничто (*da-nichts*) – выражение в личной судьбе и биографии того зафиксированного Хайдеггером факта, что Ничто ничтожит человека. *Da-nichts* – возможность и способность каждого человека превратиться и/или превратить себя в ничто и в ничтожество. Напоминание об опасности: не будешь культивировать свою готовность к встрече с бытием – она может и не состояться. Так и умрешь, не родившись, не проснувшись для человеческой жизни, так и уйдешь из этого мира, не приходя в человеческое сознание.

Что касается здесь-небытия (*da-nicht-sein*), то это *тоже* важное напоминание: небытие тоже «здесь», тоже в нас самих, и это и хорошо, и плохо. Здесь, в нас, смерть и ненависть, безволие и безверие, зло и безобразие. Не простое отсутствие чего-то, какого-то сущего (нет денег, времени, условий для...), а, как говорил В. Соловьев, «положительное безобразие». И точно так же «положительное зло», «положительное безумие» на том месте, где могли бы быть красота, добро и разум. Отсюда, кстати, уже начинается «позитив». Говоря о диалоге поэта и читателя, Иосиф Бродский написал однажды: «И сходство двух систем небытия / Важнее, чем двух форм существования». Здесь «система небытия» – кипящий котел невозможностей, поющий диссонансом («а чем, собственно говоря, еще, как не диссонансом, является человек?») [7, с. 248]. *Da-nicht-sein* – пустота, могущая многое в себя впустить, превозмочь, переплавить и переделать в красоту-для-человека. Пространство для взгляда на *sein* «со стороны», для «приведения к бытию». Одним словом, «нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [8, с. 15].

Попробуем обозначить несколько особенностей метафизических чувств, составляющих их общественное предназначение. Воспользуемся материалом, который собрал и создал М.К. Мамардашвили в лекциях о Прусте¹ [9]. Поставим на первое место индивидуальную природу такого чувства. Этот индивидуализм легко представить себе на материале чувства эстетического, хотя бы в исполнении Иосифа Бродского: можно разделить с кем-то убеждения, ложе, даже возлюбленную, но ни с кем нельзя разделить восприятие стихотворения Рильке. Это чисто индивидуальное ощущение и отношение. Точно так же «устроен» акт или факт понимания: объяснить (тебе) могут многие, одни лучше, другие хуже, а понять можешь только ты сам. Предмет взгляда может быть один и тот же, но никто не увидит никакой истины, а увидит лишь один человек. Более того, и один когда-то увидит, а когда-то – нет. Прозрение как откровение. Но увиденное (понятое) создает реальность «более реальную», чем реальность предметного характера, потому что эта внутренняя, ничего не меняющая в мире реальность на самом деле есть реальность жизни души, *человеческая* реальность. И возникает она всегда только в индивидуальной форме, здесь и сейчас.

---

¹ Пруст был, пожалуй, одним из первых западных писателей, которые сделали предметом своего специального художественного анализа мир метафизических чувств обычного современного человека, не «положительного героя», и не героя вообще – во всей его сложности, иногда занудливой непродуктивности и гипертрофии. Должно было пройти почти столетие, отделяющее писательский опыт от его философского осмысления, прежде чем стало понятным, что Пруст открыл цитадель возможного спасения современного человека, безграничную, как сама Вселенная, которую каждому без исключения дано право обживать.

На этом традиционном «здесь и сейчас» необходимо остановиться особо. Дело в том, что возникновение метафизического чувства (прозрения) как интуиции бытия нередко напрямую связано с работой воспоминания. Воспоминание – единичка, клеточка памяти, а память разворачивает вектор времени личности всегда в прошлое. И все же есть два момента, подтверждающие «здесь и сейчас».

Во-первых, воспоминание «втягивает» прошлое в настоящее, прошлое становится актуальным и более реальным, чем что-либо существующее в настоящем физическом времени в простой предметной форме. Например, фотография человека может стоять на моем столе прямо передо мной, но она никаких воспоминаний и чувств у меня давно уже не вызывает, я к ней привык. В живом воспоминании, напротив, я приблизил и «втянул» в свое настоящее, в свою человеческую душевную метафизическую реальность гораздо более живой образ человека, который мне вспомнился.

Второй момент, обеспечивающий воспоминанию жизнь во временном регистре настоящего, состоит в «развязывании» мечты. К примеру, по мысли Г. Башляра, в мечтаниях можно жить в доме своего детства: «Жить в мечтаниях в родном доме означает больше, чем жить в нем в воспоминании, это значит жить в исчезнувшем доме так, как мы об этом грезили» [10, с. 120]. Простой механизм «воспоминание – мечта – греза» рождает огромное поэтическое пространство духовной жизни человека, многократно расстраивающее его сокровенный мир. Это внутреннее пространство мироощущения современного человека, включающее в себя «по праву наследования» миры человека предшествующих эпох, вполне соизмеримо с символической вселенной внешнего мира и может быть ей противопоставлено. Чем богаче и сложнее, красивее и многограннее внутренний мир современного человека, тем он более самостоятелен и самодостаточен, тем больше и сильнее то метафизическое начало в нем, к которому он может обратиться.

Остановимся еще раз на *непреднамеренности* метафизического чувства. Мы не можем по своей воле целенаправленно «загнать» себя в ситуацию открытия истины или обращения в веру. Мы можем в этой ситуации только оказаться, найти себя, обнаружить, быть захваченными. Тогда возникает вопрос: как можно человеку рассчитывать на помощь со стороны метафизического чувства, если оно не есть продукт его сознательной воли, разума, желания? Конечно, можно удовлетвориться мыслью о том, что это чувство – нечаянное спасение, соломинка, протянутая судьбой в самый тяжелый момент жизни. Можно поступить и по-другому: осознанно и целенаправленно создавать и воспроизводить ощущение *готовности* быть окликнутым. Эту готовность человек способен в себе культивировать. Как ритуал – деятельность в преддверии и в предощущении катарсиса, а катарсис – удивительное единство мгновенности, ускользания и длениия, страха утраты и сберегания бытия.

Метафизическое чувство в принципе не опирается на форму предмета и от качества предмета не зависит. В этом плане его несубстратная природа непосредственно относит его к кругу общественных отношений. До этого чувства люди «додумываются», «доверяются», «до... чувствуются». Метафизическое чувство возникает тогда по поводу вещей, с виду совсем ничтожных. Например,

Мамардашвили, исследуя творчество М. Пруста, обнаруживает в тексте описание многих вещей, которые он называет «запечатанными вазами» и впечатление о которых заставляет человека ощутить себя где-то не здесь и не теперь. В сущности, речь идет о самом настоящем катарсисе, только вызван он не встречей с художественным творением, а впечатлением от любой вещи, пробудившей ассоциативное мышление и воспоминания.

Воспоминание как единичка, клеточка памяти «развязывает» мечту. В воспоминании человек не только возвращается к уже пройденным моментам своей жизни, в воспоминании он живет. Можно, правда, заметить, что это больше свойственно людям немолодым. Тем характернее этот настрой для человека современной культуры: она, как известно (в особенности в ее западноевропейском варианте), давно признана зрелой, если не сказать – стареющей. В этом смысле метафизические чувства – принципиально современный феномен, поскольку культура постмодерна направлена в прошлое совершенно осознанно и в то же время трагично: прошлое влечет, а вместе с тем рождает горькое сознание, что вернуться к нему невозможно. Метафизическое чувство в этом плане всегда щемящее, как сладкая боль (оксюморон не только в силу соединения физики с метафизикой, но и в силу собственного противоречивого содержания). Это чувство – свидетельство того, что философия и эстетическое начало стали внутренним миром человека и внутренним делом каждого, кто этого хочет. В таком качестве метафизические чувства – единственная, пожалуй, надежда на спасение жизни духа современного человека. Это событие чувства, в котором человек, несмотря на все вызовы современности, остается живым. Чувство, в котором спасается живая жизнь и утверждает себя – через человека – живое настоящее.

Summary

T.M. Shatunova. Metaphysical Feeling as a Phenomenon of Contemporary World.

The article regards the specifics of modern human world-view. Particular attention is given to the specific phenomenon of metaphysical feeling. The author considers the metaphysical feeling to be a rare way in modern sociocultural context of emotionally experiencing the world. This way gives an opportunity for a human being to preserve the existential nature in the situation of globalizing society's challenges.

Key words: ontology, metaphysics, metaphysical feeling, ontological nature of human being.

Литература

1. Сычева Т.А. Кинематограф XX века в киноэстетике Жиля Делеза // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 3. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 233–246.
2. Фуко М. Что такое просвещение. – URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>, свободный.
3. Разинов Ю.А. Небытие в маске, или Как возможен дискурс негативности (доклад, сделанный на кафедре философии СамГУ 24 июня 2008 г.). – URL: <http://www.phil63.ru/nebytie-v-maske-ili-kak-vozmozhen-diskurs-negativnosti>, свободный.

4. *Жижек С.* Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2005. – 156 с.
5. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 649 с.
6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1986. – 431 с.
7. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. – СПб.: Худож. лит., 1993. – С. 130–249.
8. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 302 с.
9. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». – СПб.: Рус. христиан. гуманит. ин-т, 1997. – 571 с.
10. *Баиляр Г.* Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. – № 3–4 (34). – 2002. – С. 109–134.

Поступила в редакцию
03.11.09

Шатунова Татьяна Михайловна – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.

E-mail: Shatunovat@mail.ru